

ВОЛОГДА · XXI ВЕК

Александр ГРЯЗЕВ

ОТКРОВЕНИЕ ДИОНИСИЯ

«Вологда. XXI век»

Александр ГРЯЗЕВ

ОТКРОВЕНИЕ ДИОНИСИЯ

ИСТОРИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

Вологда .
«Книжное наследие»
2004

Александр ГРЯЗЕВ

Александр Алексеевич Грязев родился 9 ноября 1937 года. Детство прошло в селе Железный Борок Буйского района Костромской области. Учился в сельской семилетке и в средней школе № 2 города Буй. Служил в парашютно-десантном полку в Пскове. Работал на стройке и в сортопрокатном цехе Череповецкого металлургического завода.

Учился в Московском историко-архивном институте. В 1973 году переехал в Вологду. В 1993–1998 годах — ответственный секретарь Вологодской писательской организации. С 2002 года и по настоящее время — председатель правления Вологодского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Союз писателей России»

В 1978 году в Москве закончил Высшие театральные курсы по специальности «драматургия» при Государственном институте театрального искусства. Автор двух пьес, поставленных в Вологде и Череповце «Всего два дня» (1976), «Одиноким предоставляется общежитие» (1982), а также книг «Подобру да поздорову», «Чтобы свеча не угасла», «Грех изумена», «Расскажи мне про Париж». Печатался в газетах «Литературная Россия», «Русская жизнь» (Сан-Франциско, США), журналах «Север», «Наш современник», «Алтай», «Россия молодая», «Поле Куликово», «Дальний Восток», «Роман-газета — XXI век».

Член Союза писателей России.

**Издание осуществлено при финансовой поддержке
департамента культуры Вологодской области**

© Грязев А. А., 2004.

© Вологодская областная универсальная
научная библиотека, издательство «Книжное
наследие», 2004

*Земле русская, граде святой,
Украшай свой дом.
В нем же Божественный велий сонм
Святых прослави
Церковь русская, красуйся и ликуй!
Се бо чада твоя Престолу Владычию
Во славе предстоят, радующиеся...
...Русь Святая, храни веру православную!
В ней же тебе утверждение!*

Из службы «Всем святым, в земле
Российской просиявшим»

I

Ночью Иоасафу опять привиделась Дарьюшка. Она явилась ему вся сияющая каким-то неземным светом и такой же светлой улыбкой на юном, почти детском лице. Точь в точь такую, какую она была в тот приснопамятный день их свадьбы.

После венчания он, молодой тогда князь Иван Оболенский, с невестой своею Дарьюшкою приехал из церкви вновь в свадебную палату родительских хором, где молодых ждали званые гости, сваты и свахи, посаженные бояре и боярыни.

Шумела веселая свадьба, и в самый ее разгар, когда дворецкий уже приказал стольникам подавать третье блюдо — жареных лебедей — и не заметил, как в палате появился Христа ради юродивый Исидор, по прозвищу Твердислов.

Он подошел к жениху и возложил на голову молодого князя венок из луговых ромашек и васильков, тихо сказав при этом: «На-ка тебе, Иванушка, архиерейский клубук». А невесту Дарьюшку почему-то назвал Рахилью. С тем и ушел со свадебного пира блаженный Исидор.

А молодые вскоре по благословению родителей поднялись в опочивальню, да и забыли о юродивом.

Но все случилось так, как и сказал прозорливый Исидор. Дарьюшка умерла при родах, как та библейская Рахиль, что была женою патриарха Иакова и умерла при родах же сына своего по дороге из Харрана в Вифлеем.

Померк белый свет для молодого князя и, похоронив Дарьюшку, отправился Иван в дальний Ферапонтов монастырь белозерских пределов к тамошнему игумену отцу Мартиниану, у которого и постриг монашеский принял под именем Иоасаф.

Но сбилось и другое слово Исидора... По благословению Мартиниана ушел чернец Иоасаф из обители Ферапонтовской и подвизался на поприще церковном в Ростове Великом, да на Москве, а время пришло и стал он владыкой в ростовской земле, надев архиерейский клобук.

Да только не заладилось у Иоасафа с митрополитом Зосимой — тайным еретиком на православном престоле. Да и князь великий Иван Васильевич им, тем еретикам, почему-то благоволил. Оттого покинул владыка Иоасаф самовольно свой архиерейский стол и вновь ушел в монастырь Ферапонтовский. С той поры служит Иоасаф Господу здесь, в тихой святой обители вдали от сует московских и ростовских...

...Иоасаф поднялся с ложа, подошел к рукомойнику и, ополоснув лицо, встал на колени перед образом Спасителя...

Молился он долго, а когда закончил утреннее правило, вышел из кельи на волю.

Новый день только еще начинался, и в сумраке уходящей ночи предстал пред ним белый храм из камня — многолетняя мечта Иоасафа. Недавно возведенный и побеленный храм казался сказочным белым видением.

— Любуешься, отче? — услышал Иоасаф чей-то голос.

Он обернулся и увидел рядом с собой ферапонтовского юродивого Галактиона, старинного насельника монастыря. В рваном армячишке, в лаптках на босу ногу, с холщевой сумой через плечо, юродивый вышел из-за угла кельи и подошел еще ближе к Иоасафу.

Они были старыми знакомцами. Иоасаф помнил, как Галактион еще таскал на себе из кельи в церковь и обратно старца Мартиниана, когда тот обезножил. К тому же слыл юродивый прозорливым.

— Любуюсь, брат Галактион, — кивнул Иоасаф. — Любуюсь и радуюсь... Радуюсь, что с Божией помощью возвели мы все-таки храм сей.

— Так, отче. С Божьей помощью храм возведен... С нею и стоять будет в сей век и в будущий и еще многие века. И даже тогда храму сему стоять, когда вера православная на Руси гонима будет диавольским воинством и многие храмы порушатся.

Иоасаф был рад словам юродивого и верил ему. Да и как не верить, ежели однажды, когда построили новую трапезную для братии, Галактион изрек вдруг, что стоять, де. ей недолго. Словам юродивого посмеялись, а на следующий день оставил один инок в своей келье горящую свечу и загорелась та келейка, за нею соседняя трапезная и иные кельи монашеские.

Все тогда пребывали в сокрушении сердечном. Один Галактион уговаривал братию не печалиться о земном: все сии строения опять возвести можно. Лишь когда узнал, что в келье владыки остался малый ларец, где хранил тот фамильную серебряную кузнь, которую берег для строительства каменного храма, Галактион, испросив, где стоит ларчик, и, перекрестившись, бросился в пылающую келью. Он вынес ларец и подал владыке. Так что в сем новом храме есть и его великая лепта.

— Не завершен еще храм, брат. Расписать надобно.

— Знаю... Знаю, что позвал ты с Москвы мастера Дионисия. Скоро он к тебе явится.

— Каждый день ожидаю. Храм сей во имя Рождества Богородицы, и он обещал расписать его к самому празднику, а времени мало.

— Времени мало. — согласился Галактион. — Но Дионисий успеет. Так Богу угодно. А ты жди и молись. Скоро придет.

Галактион тихо скрылся за углом кельи и пошел только ему ведомой тропкой.

Иоасаф постоял еще немного возле храма. Стало совсем светло и наступила пора будить братию.

II

Теплым солнечным днем по лесной и тенистой дороге, подпрыгивая на ухабах и корнях высоких сосен, скрипя и покачиваясь с боку на бок, двигалась повозка, которую тянула серая лошадь. Телега нагружена рогожными мешками, бочонками, ушатами и прочим скарбом, увязанным лыковыми веревками, а сзади шла, привязанная к телеге, еще одна гнедая лошаденка.

По обочине шагали светлорольные мужики в крашенных холщевых портах, заправленных в чоботы, и в светлых же холщевых рубахах.

Дорога эта издавна звалась кирилловскою, ибо вела из Вологды в Кириллов монастырь, а шли по ней иконник Дионисий с чадами своими Феодосием и Владимиром.

Уже третье лето бродят они по дорогам Руси к северу от Москвы, переходя от монастыря к монастырю, из одного города в другой, возобновляя старые росписи да иконы и делая новые на белых стенах строящихся храмов. Много потрудились изографы в ярославских церквях и вологодских, а вот теперь идут они в обитель Ферапонта по зову тамошнего игумена Иоасафа расписывать новый храм Рождества Богородицы.

Тихо в лесу. Только слышно стрекотанье каких-то пташек, да глухой топот лошадиных копыт.

...Но вот лес кончился, и дорога вышла на широкую и светлую луговину.

— Эх, то ли дело зимой, да на санях. Дорожка укатана. Ни рытвинки, ни колдобинки. И ехать гладко — одна отрада, — проговорил старший сын Дионисия Феодосий.

Дионисий окинул взглядом дорогу и лес.

— Так-то так, сыне, — сказал он. — Да только разве увидать красоту такую? Глянь, сколько разного цвета... В лесу, на лугу, на небе... И света.

— Но и у зимы своя краса.

— Что и говорить. Земля наша в любое время хороша. Не нами ведь сказано: «О, светло-светлая и украсно-украшенная земля русская! И многими красотами удивлена еси: озерами многими, реками и кладезями местнотчтимыми, горами крутыми, холмами высокими, дубравами чистыми, полями дивными, садами обильными, домами церковными и князьями грозными, боярами честными, вельможами многими, честным народом православным. Всего еси исполнена земля русская. О! Православная вера христианская!»... Да ты сам погляди, Феодосий, — широко размахнул руками Дионисий.

Дорога, меж тем, вышла на высокий угор, с которого перед взором путников открылись вдруг широкие дали, высокое голубое небо с белыми облаками, крутой берег излучины реки.

— Господи!... Как дивно-то!.. — произнес Феодосий.

— Красота, — согласился Дионисий. — Всякий раз при виде ее душа в радости пребывает, хотя я многие разные красоты видел.

— Далеко ли еще до обители Ферапонтовской? — спросил младший сын.

— Под вечер будем там... А пока остановись, Володимир, — сказал ему Дионисий. — Отобедаем тут. Распрягайте, а потом Володимир по воду, а ты, Феодосий, по дрова. Я же все тут ладить почну.

Лошадей Владимир пустил на волю и с деревянными ведрами пошел к реке, Феодосий направился к лесу, а Дионисий, выбрав место у костра, поставил трехногий таган под котел.

Феодосий скоро воротился, неся в руках охапку хвороста и сухостоя.

— А где Володька? — спросил он отца. — Опять. поди, камушки на берегу ищет?

— Может, и так... Тебе-то али худо от этого?

— Так ведь время идет. Обедать, а у нас еще и вода не поставлена...

— Успеем... Зато чую я, паря, что из Володимира ладный изограф выйдет. Чую, сердцем чую.

— А из меня, отче? — немного обиженно спросил Феодосий.

— Вы оба чада мои, — ответил Дионисий. — Ты постарше его и изограф из тебя, можно сказать, получился... Не обижайся, сыне, но у Володимира души к делу поболее будет. Да и помягче она у него, душа-то.

— А у меня, стало быть, душа худая?

— Да не худая, а другая. Разные вы... Но так и быть должно. Так по воле Божьей сделано, чтобы люди разные были, хотя и от одних отца и матери рождены... А тебе, Феодосий, жениться надо... Да, да... Вот придем на Москву, и оженю тебя. Под венец, под венец тебе пора. Тогда и кровь успокоится, и помыслы твои больше о трудах ради Господа будут, а не о земных страстях...

— Воля твоя, отче.

Феодосий наломал хворосту, разжег кресалом трут, а затем пучок сухой травы со мхом. Костер вскоре занялся, а из-под берега появился Владимир. В деревянных ведрах плескалась вода, в подоле холщевой рубахи парня, заткнутом за пояс, угадывалась какая-то поклажа.

— Вот, тятя, на берегу нашел, — поставив ведра, сказал Владимир и выт-рхнул на землю из подола какие-то камни.

Дионисий взял один, потом другой, потер их друг о друга и, смочив руку водой, провел камнем по ладони.

— Вохристый камень, — сказал Дионисий. — Таких, Володимир, в здешних местах великое множество. Особенно на полях и по берегам озерным. Те поля после дождичка даже цвет свой меняют.

— А эти куда, тятя? — спросил Владимир.

— Так береги, сыне. В деле сгодится. Вохры много надо будет натирать... Давно мы не писали по свежим стенам. Не запомнили, как надобно цвета составлять? А, Феодосий?

— Что ты, батя, — чуть даже обиженно отозвался старший сын, наливая воду в котел. — Да разбуди ночью, и то скажу.

— Ну, ладно, — согласился Дионисий. — А ты, Володимир, не забыл, на что вот эта самая вохра идет?

— Ежели надо празелень составлять темную.

— Так... И с чем смешать надо?

— К вохре надобно чернил добавить.
— Добро... Ну, а ежели празелень светлую составлять? Феодосий, ответствуй.
— Се дело не шибко хитро. Бери часть желти, да прибавь две сини, али три — вот и будет празелень светлая.

— Верно, — довольный Дионисий опять повернулся к Владимиру. — А теперь ты ответствуй: что пишут празеленью? Ведаешь?

— Ведаю, — кивнул тот. — Пишут рясы святых угодников, землю, дерева.

— А какие ты еще цвета помнишь? — не отставал от сына Дионисий.

— Лазорь, голубец, сурик, киноварь, черлень, брягиль, ражгирь, шижгирь, санкирь, рефть, дичь, ярь, — бойко протараторил Владимир.

— Ты гляди-ка, а! — воскликнул Дионисий. — Молодец, сыне! Даст Господь, и ты будешь ладным изографом. А большего мне у Господа и просить нечего... Ну, а что сидим? Пора и кашу варить.

...Горел костер, кипело, булькая в котле, подвешенном на тагане, варево. Феодосий собирал прямо на зеленой траве у костра обеденный походный стол. Он разостлал широкую белую холстину, достал из берестяного тuesка деревянные ложки, холстяной же мешок с хлебом, достав из сундука, подал отцу. Тот сам стал нарезать ломти.

...И вот в широкой деревянной мисе дышит паром пахнушая дымком каша.

— Помолимся, — сказал Дионисий, когда все собрались вокруг скатерти.

Сыновья встали рядом с Дионисием на колени, и он первым осенил себя крестным знаменем.

«Очи всех на Тя, Господи, уповают, и ты даеши им пищу во благовремени, отвержаеши Ты щедрю руку Твою и исполнявши всяко животнo благоволения», — проговорил Дионисий слова молитвы и осенил крестным же знаменем походный стол.

Все взяли ложки, и Дионисий, постучав по краю мисы, разрешил начать трапезу. Только начали, а Владимир вдруг чего-то увидел.

— Глянь, тятя, идет кто-то, — показал он в сторону леса, из которого недавно вышли сами.

— Богомолец, поди, — коротко глянув на приближающегося путника, сказал Дионисий.

В лаптях на босу ногу, в холщовой рубахе, подпоясанной бечевкой, с тощей серой котомкой за плечами, путник поравнялся с обедавшими изографами.

— Мир вам, добрые люди, — поклонился он Дионисию с сыновьями, сняв с головы войлочный колпак. — Хлеб да соль.

— Спаси Господи, — ответил Дионисий. — Мир и тебе, добрый человек. Не откажись разделить трапезу с нами.

— Благодарствую, — опять поклонился путник и, сняв котомку, подошел к ко-
стру.

— Володимир, — сказал Дионисий, — добавь кашицы из котла

Путник, помолвившись, достал из котомки свою, завернутую в тряпицу ложку и присоединился к трапезе.

— Откуда будешь и куда путь держишь, мил человек? — спросил Дионисий.

— Зовут Егорий. а иду, можно сказать, из самой Москвы. Странствую по святым местам.

— Давно ли с Москвы?

— Ушел оттоль по осени. Молился и трудился в ярославских да костромских монастырях. По весне в монастырях вологодских пребывал. Теперь вот иду в здешние святые места преподобных Кирилла и Ферапонта... А я чей хлеб да соль ем?

— Да и мы, можно сказать, из Москвы. Только давно ушли оттуда. Третье лето как по монастырям обитаем. Иконники мы, изографы. Дионисий я, а это чада мои — Феодосий да Володимир.

Странник удивленно глянул на Дионисия.

— Да нежели Господь сподобил меня в скитаниях моих встретить самого Дионисия — мастера?! Воистину неисповедимы пути твои, Господи!

— Что, разве слышал обо мне?

— Да как не слышать-то! Вся православная Москва тебя знает, иконам, тобою писанным, поклоняется. Да разве только Москва? Был я на Волоке Ламском в то лето у игумена Иосифа, так и там тебя помнят и почитают.

— Да... Писали мы у него иконостас в церкви святого Успенья.

— И в иных монастырях, где я был, о тебе тоже поминают часто. Все желают иметь иконы письма дионисиева, именуют первым среди иконников наших.

— Спаси, Господи, на добром слове, Егорий... Рад бы послужить Господу во всех монастырях Руси Святой, да не хватит на то жизни моей. Вот послал Господь работу в обители Ферапонтовской. Там после пожара храм каменный владыка Иоасаф поставил. Вот и идем его расписывать. А что на Москве? Какова там жизнь? — вдруг спросил Дионисий.

— Да что на Москве... Все то же. Суета сует. Народу — ступить некуда. Особо в базарные дни, а уж в праздники и говорить нечего. Вся Москва в храмах и на улицах.

— Что и говорить: славна Москва калачами да колоколами. Вот и идут люди со всех сторон хлеба-соли отведать да красного звона послушать. Я и сам люблю Москву в праздники, а особо на Красном торгу у Кремля куда как хорошо.

— Хорошо-то хорошо...

— А что? Ныне не так?

— А ныне на Москве опять еретики новгородские явились... Смушают народ православный.

— Но ведь те еретики осуждены на святом Соборе лет десять тому. Иных опять в Новгород Великий отправили на покаяние, иных торговой казни предали, кнутами били, в заточение послали, многие тогда в Литву и немецкую землю бежали. А поп Денис, глава их, в тюрьме козлом заблеял и помер.

— Видно, затаились до поры. а ныне опять выползли, как змеи, слуги сатанинские. Разброд в умах людей сеют.

— О чем ныне говорят?

— Да все о том же, что и ранее... Будто бы нечего православному люду иконам кланяться. И Господа и Его Пречистую Матерь хулят. Говорят, что нет и Святой Троицы, а Христос, де, еще и не родился. Тот же, кого мы Христом называем, не Бог, де, а простой человек... Господи, Иисусе Христе, Сыне Божии, прости мя грешного, — перекрестился Егорий.

— Стало быть, сызнова проповедовать свою ересь начали воины сатанинские, сызнова в дьявольские сети свои ловят они души простаков. В здешних местах такого нет. Только на Москве такая зараза.

— Вот я и ушел оттоль, чтобы здесь, в святых сих местах, укрепиться в вере нашей православной.

— Ну, что же... Ты правильно сделал, что пошел в сии края, Егорий. Тут в монастырях живут и молят Господа великие умы русские. Пойдем с нами в обитель Ферапонтовскую. Там игуменом Иоасаф, бывший когда-то владыкой ростовским. Там же владыка Спиридон — давний обличитель ереси.

— Благодарствую, Дионисий. Только я сперва в Кириллов пойду в монастырь. Там старец Паисий живет, так я с ним побеседую, а потом и к старцу Нилу Сорскому в его пустынь схожу. На обратной же дороге в Ферапонтовскую обитель зайду. Так что даст Господь, свидимся.

— Ну как знаешь, Егорий. Дело хозяйское.

— Прощай, Дионисий. Благодарствую за хлеб-соль. Спаси, Господи, тебя и чад твоих.

Егорий поклонился всем в пояс.

— Прощай, Егорий, — поклонился в ответ Дионисий и повернулся к своим чадам. — Собирайтесь в путь!

И когда увязывали на телеге поклажу, и когда запрягали, и когда тронулись в путь — все время думал Дионисий о словах Егория про еретиков, вновь на Москве объявившихся... И вновь разбередили душу те слова...

...Ересь сия явилась в русские пределы лет уже тридцать тому в Новгороде Великом. Тамошние бояре все еще надеясь жить с Москвой врозь и по своим законам, призвали к себе на княжение литовского князя Михаила Олельковича. И в его свите неведомо как пришел в Новгород некий жидовин киевский — именем то ли Захария, то ли Схария.

Он то и стал прельщать дьявольским образом умы новгородские, начав с какого-то попа Дениса. Говорил тому, что есть, де, один Бог именем Яхве. Ему, мол, и поклоняться надо. Тот увещеванию и прелести сатанинской поддался, да еще и привел к Схарии попа Алексея. Оба отступили от истинной веры православной и стали неистовыми учениками Схарии, а тот позвал к себе из Литвы еще двух своих соплеменников, и зашаталась умы новгородского священства. По этим пришлым еретикам и ересь стала зваться ересью жидовствующих. Но это было потом, когда их обличили.

Они же по Ветхому Завету жить призывали. Потому, де, что спасутся только иудеи, как народ, Богом избранный. Так выходило по закону Моисееву, так записано, говорят, в их иудейских книгах.

Но по Новому Завету — Евангелию, Господь наш Иисус Христос даровал благодать спасения всем народам, а не одним лишь иудеям. И сии слова тоже написаны в книгах.

Есть от чего смущаться умам православным, вопрошать и недоумевать. Вот как думать, ежели по мысли еретиков Иисус Христос не был Сыном Божиим, а просто человеком? Выходит, что и Пречистой Его Матери вовсе никогда не бывало? Нет, не зря зашаталась умы русские.

Прельстили еретики многих своим чародейством, предсказанием судеб человеческих по звездам и прочим колдовством. Прискорбно, что в ересь обратились священники, диаконы и клирики церквей новгородских, внушив ее своим близким, женам и детям. Дело дошло до того, что многие пожелали обрезаться, да Схария запретил, сказав, чтобы те еретики жидовствовали тайно, а на людях были бы христианами.

Сделав же злое дело и посеяв семена сатанинские на земле русской, Схария со своими помощниками исчез из Новгорода неведомо куда, а ученики его и проповедники ереси понесли ее в иные города и веси.

В личинах христианских предстали однажды те еретики перед самим государем и великим князем Иваном III Васильевичем, бывшем в Новгороде. Говорили они с государем книжно и складно, да так, что он забрал к себе в Москву попа Алексея и поставил его протопопом в Успенский собор, а попа Дениса — в Архангельский. Поверить в это трудно, но сам великий князь помог свить гнездо жидовствующих еретиков в самом Кремле Московском.

Так бы из года в год и творили слуги сатанинские свое черное дело, да однажды в Новгороде Великом пьяные еретики принародно хулили Господа и Пресвятую Богородицу. Их схватили, и все тайное стало явным.

Сии слуги диявола отрицали Божественное Рождество Христово, святые иконы и крест православный. поносили святых отцов и святое Евангелие, и многое еще делали, о чем и язык не поворачивается говорить.

Ему, Дионисию, сам игумен волоцкой Иосиф, обличитель ереси, сказывал о многих мерзостях, еретиками творимых.

Так, один еретик Самсонко, в Новгороде же, пришел к попу Науму и, увидев икону Пречистой Божией Матери, велел ее разбить о землю. Тот взял да и разбил. Потом просфорами они кошку кормили, а тот же Наум, в другой раз, плевался на иконы. Иные же, бывало, обливали иконы помоями и, стоя на них, мылись.

«Нет такой хулы и такого ругательства, — говорил игумен Иосиф, — которых не изрыгнули бы эти нечестивые еретики мерзкими языками своими на Единородного Сына Божия, на Пречистую Его Матерь и на всех святых».

Прознав о таких богомерзких делах еретиков, творимых уже многие годы, бывший в то время в Новгороде Великий архиепископ Геннадий ожесточился на них сердцем и встал на защиту веры православной. Еретиков избличал и приводил к покаянию. Многие тогда покаялись ложно, многие на Москву сбежали, но архиепископ Геннадий описал их мерзостные дела и послал грамоту самому великому князю Ивану Васильевичу.

А к тому времени и в самой Москве в ересь впали даже родственники великого князя и его приближенные, а среди них — сноха великокняжеская Елена-Волошанка, да государев любимец — дьяк Посольского приказа Федька Курицын с братом своим Волком.

Грамота новгородского архиепископа открыла глаза великому князю на многие дела еретиков и он повелел собрать всех архипастырей земли русской на святой Собор.

На Соборе еретики были осуждены и наказаны: иные к покаянию приведены, иные в тюрьму брошены, иные сами разбежались, а многих великий князь отправил в Новгород к архиепископу Геннадию для исправления.

А тот, встретив осужденных отступников за несколько поприщ от Новгорода, повелел всех посадить их на лошадей лицом назад, надеть на головы их берестяные колпаки бесовские с мочалами, да соломенные венцы, а на колпаках повелел написать, что это «воины сатанинские».

В таком срамном виде и водили их по городу перед всем честным народом православным для назидания, дабы впредь такого не бывало, ибо ересь жидовствующих пострашнее латинской будет...

И вот, хоть и десять лет минуло с той поры осуждения еретиков, а они вновь как змеи повывползали из нор своих и опять принялись бесовским умышлением хулить веру православную...

Сам ведь Дионисий тоже пострадал от еретиков через того же самого Фельку Курицына, когда, работая в кремлевских храмах, недобро отзывался о жидовствующих отступниках. Дьяку донесли, а тот напечатал непотребные слова самому великому князю, и тот осерчал на Дионисия.

Вот почему Дионисий ушел с Москвы, где после смерти любимой супруги Евдокии не было в душе его покоя, а мысли и рукам — работы.

Вот почему он ходит и трудится по монастырям северным за сотни верст от людных московских улиц.

...Белый храм на высокой горе открылся неожиданно, когда под самый вечер дорога вывела путников в чистое поле. Солнце уже опускалось по небоскату за дальний лес, освещая новую церковь, которая походила на белую лебедь, плывущую над озерными водами, темными окрестными лесами и низкими домишками монастырского села.

— Вот и добрались, слава тебе, Господи, — остановился Дионисий и первым перекрестился.

А скоро телега иконников въезжала в ворота монастыря, у которых встретил их сам игумен Иоасаф.

— Ладно ли добрались, брат Дионисий? — спросил он.

— Спаси Господи, владыка. С Божьей помощью, все хорошо и ладно, — ответил Дионисий и первым подошел под благословение.

Следом подошли к игумену и сыновья.

— Господь благословит, — осенив каждого крестным знаменем, произнес Иоасаф и вновь обратился к Дионисию. — Все добро свое снеси вон в ту келью у самого храма. Там и жить будешь. Сыновья же твои рядом — в другой келье.

— Благодарствую, владыка, — поклонился Дионисий.

— Брат Досифей, — обратился Иоасаф к одному из стоявших неподалеку иноков. — Покажи отрокам их келейку, да помоги им... Потом отслужим благодарственный молебен. Поблагодарим Господа за доброе окончание твоего пути к нам, Дионисий.

...Молебен в небольшой деревянной церковке был краток, и вскоре Дионисий сидел в светлой и чистой келье игумена Иоасафа.

— Когда будешь начинать, брат Дионисий? — спросил игумен.

— Все урядим, владыка, тогда, благословясь, и приступим. Поутру гляну известь. Может, уже дошла.

— Готова. Она ведь затворена в яме с той поры, когда мы с тобой урядились. Не одно лето минуло. Яма же досками обшита изнутри, как ты и наказывал. Ныне плотники твоего слова ждут.

— Плотникам завтра же надобно будет леса внутри храма ставить. Чада мои завтра же цвета составлять начнут, краски тереть. Вот потом и к стенам приступим.

— Не жалеешь. Дионисий, что пришел к нам в сей далекий край? — вдруг спросил Иоасаф.

— Нет, владыка. Во многих местах Руси побывал я... Служить Господу здесь — великая радость. Много праведников и молитвенников тут было до сего дня. Мне ли сожалеть о чем-то.

— Ты давно ушел с Москвы. А там что? Все еще негде тебе писать?

— Есть где, да не зовут. Заметил я, что бояться стали звать меня иконы писать и в храмах работать.

— Что так?

— Узнали, что прогневался на меня великий князь Иван Васильевич.

— Чем же ты самого государя осердил?

— То давно уже было... Позвали как-то меня в кремлевскую церковь Спаса на Бору иконы поновлять, а образ Спасителя — заново писать. Подновить-то подновил, а в писании иконы настоятель отец Варсонофий отказал.

— Отчего же?

— Оттого, говорит, что платить нечем. А я-то знаю, что не в том причина... Язык мой — враг мой... Совсем недаром так говорят.

— Язык?

— Да... Говаривал я вслух, что власть в Кремле Московском захватили еретики жидовствующие, а князь великий их своей рукой покрывает. Те же, видя такое заступничество, хулили Господа и Пречистую Его Матерь, глумились над иконами и святыми мощами. Как такое терпеть можно? И все дела творились после Собора, еретиков осудившего. Вот о сих моих словах и донесли до ушей великого князя.

— А как ты узнал о сем?

— Сперва стал замечать, что сторониться меня стали. Потом начали отказывать в писании икон. Заказывать совсем перестали... Позвал в ту пору меня к себе в монастырь игумен волоцкой Иосиф расписывать новый храм Успения. Вот он-то мне и сказывал, что в беседе с ним государь серчал на те мои слова и зело опалился... И вот я тут, по зову твоему, владыка.

— Здесь в обители нашей не только ты будешь от еретиков пострадавший. Тут владыка киевский Спиридон, вологодский владыка Филофей, и я, грешный. Мы все рады, что ты с нами будешь.

— Спаси Господи, владыка.

— А что до росписи храма нашего Рождества Богородицы, то у меня сомнений нету. С такими помощниками-сыновьями, да с Божьей помощью тебе, первому на Руси изографу, писать будет в радость. А мы будем молиться за тебя и дело твое богоугодное.

— И у меня сомнений нет, владыка. Но хочу я на дело одно у тебя благословения испросить.

— Говори.

— Надумал я, перед началом столь великого дела сходить к старцу Нилу на Сору-реку.

— Что ж... Дума твоя похвальна. Сходи, сходи к старцу. Дорогу знаешь ли в пустынь его?

— У тебя тут я не в первый раз, а вот у старца не бывал еще.

— Добро, коли так. Дам я в проводники тебе инока Досифея. Он к Нилу скорые тропки знает, да и там поможет... Старец Нил — человек строгих правил. Не всякого к себе пустит. Но ты, думаю, зря не сходишь.

— Благодарствую, владыка... Пойду со старшим сыном Феодосием..

— С Богом. Благословляю тебя и твоего чада сходить к старцу Нилу. Получить благословление от него — великое благо. Сие означает укрепление во всяком деле.

— Спаси, Господи. А еще глядел я сейчас владыку Спиридона, да что-то не увидел.

— Ушел он в Кириллов монастырь к старцу Гурию, да к отцу Вассиану для беседы.

— Побеседовать с владыкой и мне бы надо... Встретился нам в дороге сюда человек один, странник. Тоже к Нилу идет и к старцам кирилловским. Укрепиться в вере хочет. Так он сказывал, что на Москве ныне опять еретики смущают народ православный.

— Ведаю о том! Владыка Геннадий Новгородский грамоту прислал о новых еретиках, Спиридон и пошел к старцам. Вот вернется, тогда обо всем и потолкуем.

— Прослышал я, что он и нашим ремеслом владеет. Хочу просить его помощи. Работы много, а дней до Рождества маловато осталось.

— Спиридон поможет. Мы с ним толковали о сем... К твоим же чадам я иноков приставлю на послушание краски тереть. Так ли я мыслю?

— Спаси, Господи, владыка. Все так.

— Ну, тогда с Богом, — встал с лавки Иоасаф.

III

Едва заметная тропка. поросшая травой и угадываемая только лишь иноком Досифеем, петляет по низкой и мокрой луговине, то поднимается на песчаный взгорок с молодыми сосенками, то ныряет во влажную тень лиственного леса.

Всю дорогу от Ферапонтовской обители путники шли молча и почти не останавливались. Лишь когда тропа вывела их на широкую опушку небольшого соснового бора, откуда стали видны вдруг все окрестные дали, Досифей остановился и, перекрестившись, произнес:

— Слава тебе, Господи... Вон за тем лесом... Передохнем маленько. Теперь уже скоро.

И Досифей первым сел прямо на землю.

— Дремучая тропа, — сказал Дионисий, присаживаясь рядом. — Видно, мало сюда людей ходит.

— Мы шли по нашим тропам, а в скит к старцу Нилу обычаем ходят из Кириллова монастыря. Я там тоже хаживал. Там дорога торнее.

— Много ходят?

— Больше по праздникам. Помолиться у них в скиту. Да недужных приводят. А так братия там живет строго. Одноко...

— Слышал и я, что у старца Нила правила строгие.

— Отец Нил сам и устав писал. Ведь он даже на святой горе Афонской побывал и все познал, всю жизнь тамошнюю иноческую. Ныне такого строгого жительства нигде больше на Руси не сыскать. Только тут, у старца Нила.

— Строже, чем в монастыре?

— Строже... Живет братия в безмолвии, по кельям. Вместе только в своей церкви собираются на всенощное бдение по воскресениям, да по большим праздникам. А так безмолвствуют, книги переписывают.

— Книги?

— Да... Старец книги с Афона принес, из Царьграда, с Москвы. В Кириллове монастыре тоже книг много. Старец Нил в пустынь свою неграмотного человека не возьмет. Вот и переписывают, трудятся. Тем и живут.

— Сказывали мне, что в церкви у них не украшено.

— Отец Нил даже даров не берет. Украшения в церкви и в одеждах у них почитается за грех. Едят и пьют тоже мало. Живут молитвою, — сказал Досифей и поднялся. — Пошли с Богом.

Тропа опять завела путников в лес, и они снова шли по ней молча. до тех пор. пока среди деревьев не появился просвет, и они очутились на краю дремучей чащи.

— Ну, вот и пришли, слава Богу, — остановился, перекрестившись. Досифей.

Перед взором путников открылась большая поляна. За нею виднелась речушка. на берегу которой за жердяной оградой они увидели деревянную церквушку. Вокруг нее по всей поляне были разбросаны избушки-кельи.

— И церковь, и кельи стоят на холмах каких-то. Отчего так? — спросил Досифея Феодосий.

— Место тут низкое и мокрое. Под церковь и под кельи землю таскали в коробьях, — пояснил Досифей.

— А старца Нила, которая келья?

— Вон там, — показал рукой инок, — у излучины Соры у них меленка стоит. Видишь?

— Вижу, — кивнул Феодосий.

— Вот за ней, в сторонке у самого леса и есть келья Нила.

Подойдя к пряслу, Досифей и Феодосий отодвинули верхние жерди и все перелезли через ограду.

Тишина кругом была поразительная. Не слышалось ни человеческого голоса. ни лая собаки, ни крика птицы, хотя путники стояли, казалось, среди большого поселения, сейчас будто вымершего.

— Пойду в сторожку, — сказал Досифей спутникам. — У них тут в сторожах мирянин Игнат, который часы уставляет, печи топит, по кельям ходит. Он и старцу о нас скажет.

Досифей зашел в избушку, стоявшую рядом с церковкой, и вскоре показался оттуда вместе с мужичком невысокого роста в крашенном кафтане, серых портах и в лыковых лапотках. Подойдя к Дионисию и Феодосию, Игнат снял колпак и молча поклонился.

— Игнат нам церковь отворит, а сам к старцу ходит, — сказал Досифей. — А мы Господу помолимся после дальней дороги.

Игнат поднялся по ступеням к дверям церкви, отворил их, опять молча поклонился и неторопко пошел к дальней келье скита...

...После краткой молитвы в церкви Дионисий с Феодосием и Досифеем сидели на завалинке у сторожки, когда появился Игнат:

— Отец Нил зовет вас, — сказал Игнат. — Но сперва велел накормить, напоить, а потом и к нему жаловать.

Путники поднялись в крыльцо к рукомоинику-утице, висевшему под перекладной. Игнат скрылся за дверью и тут же вернулся с рушником-платом.

...После трапезы все пошли по тропке от сторожки и еще издали увидели у дальней кельи старца с белой бородой и в черном монашеском одеянии. Отец Нил сам вышел встречать пришедших к нему путников.

Дионисий первым приблизился к старцу под благословение.

— Что привело тебя к нам, брат Дионисий? — тихо спросил старец.

— Побывать у тебя, отче, давно хотел. Поговорить надобно... А со мной сын мой старший Феодосий да иннок Досифей.

Нил благословил спутников Дионисия.

— Место сие маловходно для мирских людей, хорошо ли дошли к нам?

— Спаси Господи, отче. Досифей своими тропками довел быстро.

— Тогда надобно вам отдохнуть с дороги.

— Нет, отче. Мы сегодня же и назад уйдем. Игумен Феррапонтовской обители Иоасаф благословил меня сходить к тебе, отче, за учительным словом.

— Нешто он сам таким словом не владеет? Да и ты давно слывешь человеком многомудрым. А что я? Достоин ли давать учительное слово? Ведь и вы, и вся моя братия — единомысленные мне, а учитель у нас один — Господь наш Иисус Христос.

— Все так, отче, — согласился Дионисий. — Только вот оказавшись по воле Божьей в сих благословенных местах, счел я нужным для себя поговорить с тобой и душу свою успокоить.

— Ну, коли так, проходи в келейку, — сказал Нил и первым шагнул за порог своей избушки.

Дионисий, следуя за ним, дал знак рукой Феодосию с Досифеем, чтобы те не входили и ждали его тут...

...Келья старца Нила показалась Дионисию на удивление просторной и внутри похожей на храм. Напротив входа у стены стоял небольшой иконостас, перед которым горела лампада. Иконы были простые, без украшений. Узкие оконца выходили на две стороны кельи. В углу слева стоял простой же, ничем не покрытый стол, на котором лежали книги, стопа чистых листов бумаги, глиняная чернильница и глиняная же перница с белыми гусиными перьями.

Перед иконостасом — аналой с раскрытым на нем Евангелием. Подойдя к аналою, Нил стал молиться. Дионисий помолился тоже. Затем старец сел у оконца на лавку и пригласил гостя.

— Садись, браг Дионисий, — сказал он. — Стало быть, ты ныне в Феррапонтовской обители у Иоасафа-игумена?

— Так, отче. Позвал он меня расписывать новым храм Рождества Богородицы.
— О новом храме слышал... Ну, что же. дело сие богоугодное, а ты в сем деле искусен, как никто другой на Руси ныне. И иконы твои и стенная роспись твоя мне ведомы и похвалы достойны.

-- Не скрою, отче, душе моей лестны слова твои.

— Говорю о том, что сам видел... Но что же тогда терзает душу твою? О чем говорить хочешь?

— Слышал я, что ты, отче, не жалуешь убранства в храмах и росписи.

— Нет, Дионисий, — не согласился старец. — Много я на своем веку видел храмов в землях православных. Многочудна роспись и убранство собора святой Софии в Царьграде, храмов киевских, новгородских, московских и иных на Руси Святой. Все они знатно украшены, и я, молясь в них Господу, радуюсь вместе со всеми... А вот здесь, в своем скиту, я запрещаю всякие убранства. Тут в безмолвии живет со мной братия, мирских людей нет. Иноческое же наше житье — в умной молитве Богу, в спасении души через молитву Господу. Потому украшения в наши церкви и в наших келейках — все сие лишнее.

— А в монастырях общежительных? — спросил Дионисий.

— Человек, принявший монашеский обет, умирает для жизни мирской. Потому ничего не должен иметь... Апостол Павел говорил: «Имея пропитание и одежду, будем довольны тем...». Так было и так должно быть всегда. А в монастырях многолюдно, суетно и праздно. Там стяжают богатство. Принимают милостыни: деревни, земли вместе с работниками.

— Что же плохого в милостыне, отче?

— Всякий инок живет своим трудом. Лишнего не из одежды, не из пищи ничего не должно быть, как у человека, умершего для мира. А в монастырях стяжают, и сей грех сребролюбия противен вере нашей и ведет к безверию.

— Но если монастырская обитель бедна будет, то как она поможет людям, вокруг ее обитающим: голодным, жаждущим, погорельцам? Как же сможет подать милостыню?

— Накормить голодного, напоить жаждущего, исцелить больного — все сие есть долг наш — христианский. Так же и в монастырях. Да только монашеские обители не для того созданы, а дабы исцелить души людские, напоить жаждущего духовно. Господь наш Иисус Христос, апостолы и святые отцы указали нам путь спасения человека через спасение души его. Потому-то милостыня иноков — духовное слово утешения. А для сего самим инокам, согласно заповедям Божиим и писаниям святых отцов, надобно жить в постоянной умной молитве и в безмолвии. Потому и сам я ушел из Кириллова монастыря сюда, в тихое место. Со мною книги, кои читаю и правлю, насколько сам разумен. Со

мною Святое Писание, Жития святых отцов, по коим сверяю жизнь свою ради Господа, что надо — переписываю. Тем и живу.

— А как же быть простому люду православному? Как жить, отче?

— По Святому Писанию. Там слово Божие. И всем все сказано. Пусть следуют заповедям Христовым и словам святых отцов, как делаю я по сей день.

— Но не у всех православных есть святые книги, отче.

— Но есть молитвы... Их надо знать всякому и творить молитву денно и нощно. Молитва приближает человека к Господу. Она — путь к спасению. Святые отцы учат: силой ума своего ищи то место, где помещено сердце твое — источник всех духовных сил. И мысленно всем нутром своим молись. Только такая молитва истинна, которая делается душой.

— Понимаю, отче, что молитвою человек укрепляется в вере. Но на Москве вот, говорят, еретики опять объявились. Смущают умы православные, зовут к неверию... Не помог, видно, Собор, их осудивший, ни наказания, ни покаяния. Владыка Геннадий Новгородский кирилловской братии грамоту о том прислал. Видно, что опять к Собору на еретиков зовет.

— Сие мне ведомо.

— Так как же быть с еретиками — врагами веры нашей?

— Еретики не ныне появились. И их надобно словом Божиим призывать к покаянию. Так учит нас Господь, так заповедовали святые отцы. Иоанн Златоуст говорил: недостоит нам убивать еретиков. Сие противно вере Христовой... А владыка Геннадий и волоцкой игумен Иосиф жаждут казнить еретиков смертию, жечь и резать. Но ничего нет крепче слова Божиего. На том стоит и стоять будет вера наша православная. Милосердие — сила. Так заповедовал нам Господь, и мы не можем поступать иначе.

— На днях я начинаю труд свой в церкви Рождества Богородицы. Прошу твоего совета, отче, и благословления.

— Дела твои ради Господа известны, Дионисий. Пиши стены храма Божиего и образы так, чтобы люди и через сто, и через двести, и пятьсот лет знали и ведали, как мы в веки нынешнее славили Господа нашего Иисуса Христа и Матерь Его Пресвятую Богородицу. Ведали бы и радовались. И в радости сей пребывали вечно, покуда жива вера православная и Русь Святая.

— Благослови, отче...

Дионисий встал и опустил перед старцем на колени. Тот тоже поднялся и осенил Дионисия крестным знаменем.

— Благословляю тебя, брат Дионисий, на труд твой во славу Божию...

Дионисий поднялся с колен, поклонился старцу и вышел из кельи. Ожидавшие его Досифей и Феодосий, увидев выходящего из дверей избушки Дионисия,

поднялись и подошли под благословение к вышедшему вслед за Дионисием старцу, а потом все вместе зашагали по тропке к забору жердяной ограды скита.

Отойдя немного, Дионисий остановился и обернулся. Старец Нил стоял у порога своей келейки, опираясь на суковатый посох. Он издали осенил крестным знаменем путников. Те ответили ему низким поклоном.

IV

В келье Иоасафа перед иконами стояли и молились два бывших владыки — Спиридон Киевский и Филофей Вологодский, да Дионисий-иконник. Сам Иоасаф, стоя впереди всех, читал молитву, и его голос заполнял всю келью.

— Аминь, — вслед за игуменом повторили все и, перекрестившись, уселись на лавки вдоль мшистых стен.

— Собрал я вас, отцы, для большой думы, — начал разговор Иоасаф. — Владыка Геннадий новгородский прислал кирилловской братии и нам всем грамоту. А ходил к старцам владыка Спиридон. Он и скажет о том.

Спиридон пригладил бороду и оглядел всех, бывших в келье, внимательным и, казалось, всепроникающим взглядом.

— Владыка Геннадий пишет нам в своей грамоте, что в Новгороде Великом и на Москве опять явились еретики жидовствующие. Все так же, как и до прошлого Собора было, тех еретиков осудившего. Не хватило, видно, того запрещения.

— Знамо, не хватило. Еретиков ведь тогда в темницы побросали немногих. Кающихся и вовсе простили. А многие в Литву утекли, — сказал владыка Филофей.

— Ныне опять, — продолжал Спиридон, — эти змеи подколенные головы свои поднимают. Опять те же безобразия чинят: иконы топчут и оскверняют, на Господа хулы наводят. Все покаявшиеся вновь за свое богомерзкое дело взялись... Вот и пишет владыка Геннадий, что нужен новый собор на еретиков, — Спиридон взял в руки бумажный свиток и стал читать, — «... который бы всех еретиков проклял, да и тех, к кому они в согласие вступали. или кто о них печальник и кто ни буди последовать их прелести — тех бы всех проклятию предали. Дабы о вере с ними речей не водили. Токмо для того учинить Собор, что их казнить — жечь и вешать. Станьте крепко на этом».

— Владыка Геннадий и Иосиф Волоцкой еще перед тем Собором звали к тому же. Не послушались, — сказал Иоасаф. — Вот и посеяли ветер, а теперь пожинаем бурю.

— Тогда сам великий князь за них заступился. говоря, что мы, де, не поставлены от Бога на смерть осуждать. А грешника. де, надо обращать к покаянию, — подал голос Дионисий.

— Да нам надо еретиков не осуждать, а обличать! — горячо заговорил Спиридон. — Они не просто грешники, но отступники от Бога и враги веры православной. Как же так! Ежели царя земного кто хулить станет, того наказывают, а еретики Царя Небесного хулят и их всего лишь обращают к покаянию! Ну нет! Огонь для них и меч! Нужен новый Собор на еретиков! Нужен!

— Владыка Геннадий о том нас и вопрошает. Зовет на Собор нас и старцев Паисия да Нила, — сказал Иоасаф.

— Паисий ныне на Москве обитает, — заметил Спиридон.

— А к старцу Нилу брат Дионисий ходил ныне, — кивнул в сторону иконника Иоасаф. — И об еретиках у него разговор с ним был.

— Был, — подтвердил Дионисий.

— Ну и что же Нил?

— Старец Нил сказал, что он сам и живущая с ним братия еретические учения проклинают. То записано у них в уставе. А что до наказания еретиков, то он говорит словами Иоанна Златоуста: недостойно нам убивать еретиков, но приводить их к покаянию.

— И этот туда же! — почти вскричал Спиридон.

В стоянии против еретиков Спиридон не знал себе равных. За непримиримую борьбу с ними его прозвали даже «неистовым». Это ведь он написал «Изложение о православной истинной нашей вере» и «Послание против жидов и еретики», где попенял и великому князю за его благосклонность к отступникам, и за то, что поддался их обману. Новгородский архиепископ Геннадий называл Спиридона «столпом церковным», а великий князь отправил в ссылку...

— Мы тоже речения Иоанна Златоуста знаем. Не он ли говорил: «Раз была у нас речь о хуле на Сына Божия, хочу просить одного только подарка, чтобы наказывали хулителей». Да, он говорил и о том, что нельзя нам убивать еретиков. Нам — значит священству и всему церковному причту. Казнить еретиков должны государи и князья — мирские власти, — твердо закончил свое слово Спиридон.

— Еретики зашли так далеко в своем грехе растления душ христианских и в поношении Господа, что только покаянием их не образумишь и веру православную на Руси не спасешь, — поддержал владыку Спиридона епископ Филофей, тоже ссыльный ревнитель православной веры. — Так что я гоже за огонь и меч для еретиков. Ибо сказано святыми отцами задолго до нас: «Кто удостоился святого крещения и отступил от православной веры, и приносил языческие жертвы,

тот подлежит казни». А что до того, что нам не следует убивать еретиков, то дело сие и вправду в руках мирской власти великого князя.

— У него еретики в чести, — сказал Дионисий. — Как же ему поведать обо всех их новых богомерзких делах?

— На Соборе и сказать. Как говорили богоносные отцы наши на всех семи Вселенских Соборах, — изрек Иоасаф. — Вспомните Собор, где святые отцы сказали цесарю Юстиниану: «А ты, царь, сделай так, если в зрелую пшеницу попадут остатки языческого и иудейского еретического зла, то искорени их как сорняки». А святой и праведный Константин Великий обличил злобесного Ария. Потом Феолосий Великий собрал Собор против еретиков и осудил их на позорное заточение... Да разве все перечислишь... Говорить надо прямо: спасем веру православную — спасем и Русь Святую. Погибнет вера — погибнет и Русь.

— О сем отписать надобно в ответной грамоте владыке Геннадию да игумену Иосифу на Волок Ламский. Тот к великому князю вхожий, — предложил Спиридон. — Да просить надо, чтоб розыск начали немедля, а то пойдет ересь по всей Руси.

— Да, дело из обличения еретиков многотрудное будет, — согласился Иоасаф. — С виду они люди православные, а нутро еретическое, говорят одно, а в мыслях и делах их подлинных — иное.

— Ну так что же, — заметил Филофей, — видно, опять пришло время постоять за веру православную на благо Святой Руси, на благо потомков наших.

Иоасаф первым поднялся с лавки.

— Стало быть, на том и порешили: писать владыке Геннадию и игумену Иосифу, что мы все за Собор на еретиков, а кого Собор обличит, того наказывать огнем и мечом, как отступников и врагов веры Христовой. О том просить великого князя нашего и государя Ивана Васильевича, — сказал, завершая разговор, Иоасаф.

— Так.

— Так.

— Так, — ответил каждый из сидящих в келье.

— А когда брат Дионисий почнет росписи творить? — спросил Спиридон изографа.

— У меня все готово к тому, — ответил Дионисий, — Как владыка Иоасаф благословит, так и начнем, хоть завтра.

— Ну, что же, завтра и благословлю, коль все готово, — сказал Иоасаф. — В праздник великий Преображения сам Господь с нами пребывать будет.

— Тогда у меня есть еще слово, — опять произнес Спиридон.

— Говори, владыка, — кивнул Иоасаф.

— Еретиков изобличали и пятьсот, и тысячу лет назад. И эти изобличения дошли до нас... Не рассказать ли и нам для тех, кто будет жить после нас, как и мы их обличали?

— Как рассказать? — не понял Иоасаф.

— Написать на стенах храма. Не буквицами, конечно, а изобразить на фресках.

— И как сие ты зришь, владыка? — спросил Дионисий.

— А вижу я написанные все семь Вселенских Соборов, где решались дела церковные и судили еретиков. Пусть потомки наши и через триста, и пятьсот лет знают, как мы стояли за чистоту веры православной, как правильно славили Господа нашего Иисуса Христа и Пречистую Его Матерь.

— Тут правда твоя, владыка. Вселенские Соборы похожи на наши против еретиков.

— Вот и я о том. Вижу я, как сидит на троне царь Юстиниан, как и у нас князь великий Иван... Вокруг него отцы церкви в белых одеждах, а по другую сторону — еретики в темных платьях... Или возьмем видение Петра Александрийского, которому Господь наш явился, пострадавший от еретика Ария, в рваном одеянии. Прошу брата Дионисия позволить мне руку приложить к делу сему.

— Отчего же не позволить. Я того и сам хотел и от помощников таких никогда не отказывался. Только надобно нам обговорить дело сие. Ведь не бывало еще на Руси, чтобы на стенах храмов писали такое.

— Да. это правда. Но ведь и ереси таковой не бывало. И мы, стало быть, свое слово скажем против ереси потомкам нашим, — заключил разговор Иоасаф. — Все хорошо, что делается ради Господа... Завтра отслужим молебен и станем трудиться во славу Божию и веры православной. Господь да благословит всех.... Помолимся, братья...

Иоасаф повернулся к образам келейного иконостаса. За ним поднялись остальные и начали творить молитву.

V

С береговой крутизны к озерной воде спешил юрливый Галактион, а за ним следом прыгала целая ватага деревенских мальчишек, дразня Галактиона и громко крича при этом.

— Галактиоша, песенку спой!

— Шалды-булды. чики-чикалды. талды-балды, бух, бух, бух, — дразнила юродивого ребятя.

Но Галактион им не отвечал. Только иногда вдруг бросался на толпу мальчишек и те с визгом убегал от него. Галактион же смеялся.

Подойдя к воде, юродивый снял с плеча холщовую суму и рваную однорядку.

— Галактиоша, че, ты вши заели? — закричал самый бойкий из ребятишек.

— А тебя. Федька, сегодня высекут, — сказал Галактион сорванцу.

— Ха-ха-ха, — засмеялся тот, — блохи скачут, вши кусают, клопы спать не дают.

— Высекут, высекут... Помяни мое слово, — сказал Галактион и подошел к самой воде.

Босой, в рваной длиннополой рубахе и с включенными на голове волосами, юродивый, воздев руки к небу, что-то зашептал и стал медленно входить в воду. Ребята замолчали и с любопытством на него глядели. А Галактион омылся, окунулся и вскоре вышел из воды, блаженно улыбаясь и поглаживая свою тощую грудь. Затем он неспешно выжал рубаху и порты.

— Галактиоша, — подошел к юродивому самый маленький. — Дай гостинчика.

— А-а, Васенька, — ласково улыбнулся Галактион. — Сейчас дам, дам.

Галактион раскрыл суму, достал просфорку и протянул малышу, погладив того по голове.

Сразу же подошли к юродивому другие ребятишки и для каждого Галактион достал что-то из своей холщевой сумки: кому просфору, кому кусочек пирога, кому пригоршню сушеной свеклы или яблоко.

Один Федька все еще стоял в стороне, не решаясь подойти к Галактиону. Юродивый его заметил.

— На и тебе, Федя, яблочко освященное.

Федька несмело подошел и протянул руку.

— Только больше ни над кем не смейся. Ладно? Не будешь?

Федька в знак согласия покачал головой.

— Ну и ладно, ну и хорошо, — ласково проговорил Галактион.

— А меня сегодня высекут? — спросил Федька.

— Тебя. Федя, сегодня сечь не будут, ежели вы теперь все пойдете со мной.

— Куда, куда? — загалдели ребята.

— В монастырь. Там скоро будет молебен и крестный ход... Новый каменный храм возведенный видели?

— Видели, видели...

— Его сегодня московские иконографы расписывать начнут чудными красками. Вы сие видеть должны. Пошли.

И Галактион первым зашагал на взгорок к монастырским стенам. Окруженный ребячней, юродивый прошел через распахнутые ворота Ферапонтовской обители, где сегодня в праздничный день Преображения Господня было необычно многолюдно.

Владыка Иоасаф стал служить молебен на начало великотрудного дела росписи нового храма Рождества Пресвятой Богородицы в деревянной монастырской церковке.

Среди молящейся братии и прихожан стоял и мастер-иконник Дионисий со своими сыновьями.

Глядя на светлые одежды иконографов и светлые же их лица, было видно, что они готовы всем существом своим послужить во славу Божию и веры православной.

Под пение псалмов все после молебна вышли из церкви и крестным ходом во главе с Иоасафом пошли к новому, сияющему белизной каменному храму, который среди деревянных строений монастырской обители казался дивным дивом.

Обойдя вокруг храма и окропив святой водой со всех четырех сторон его стены, Иоасаф с братией остановился перед ступенями высокого входа в церковь и, кратко помолившись, стал подниматься к дверям...

...Внутри храма было тесновато от возведенных лесов. Дионисий с сыновьями, надев холщовые фартуки, подошли под благословление к Иоасафу. Затем они прошли в алтарную нишу с высоким полукруглым верхом и по лестнице поднялись под самое полукружье, где все было готово к началу работы. Там еще до молебна иконники положили левкас ровным, гладким слоем и бледными, еле видимыми чертами наметили прорись будущего образа.

Дионисий перекрестился, взял кисть, легонько достал из сосуда немного краски и начал свое действие. Сосуды с красками, которые подавали ему сыновья, часто менялись в руках мастера-иконографа.

Он писал то пурпурной охрой, то светлой, то празеленью, голубцом, или лазурью. Писал скоро, уверенно и прямо на глазах людей, стоящих в храме. вдруг появился лик Пресвятой Богородицы, светло и печально взирающей из-под купола апсиды на молящихся людей. Все случилось неожиданно быстро, и что походило на явление. Стоявшие в храме люди, увидев лик Пречистой, стали креститься, а хор монахов запел акафист Божией Матери.

Игумен Иоасаф вместе со всеми произносил слова торжественного и радостного песнопения: «...Радуйся, свете нетления, радуйся, венче воздержания,

радуйся, воскресения образ облистаяющая, радуйся, ангельское житие являющая. Радуйся, древо светлоплодовитое, от него же питаются вернии: радуйся древо благосеннолиственное, им же покрываются мнози. Радуйся, во чреве носяща Избавителя пленным, радуйся, родшая Наставника заблудшим. Радуйся, Судии праведного умоление, радуйся многих согрешений прошение. Радуйся, одеждо нагих дерзновения, радуйся, любы, всякое желания побеждающая. Радуйся, Невесто Нсневстная...».

Иоасаф вместе со всеми глядел на чудную работу изографов, и несказанная радость наполняла его душу.

Рядом с собой он увидел юродивого Галактиона, глаза которого тоже светились радостью.

— Ну, что, брат Галактион, чудно ведь и хорошо?

— Хорошо, отче... Хорошо и долговечно...

Иоасаф согласно кивнул Галактиону и опять направил свой взор под полукружье алтарного свода, где на глазах всех рождались святые образы в многочудных красках.

«Господь милостив, — думал Иоасаф. — И как бы не было тяжело в сей многотрудной жизни, сколько бы человек не переносил страданий, Господь не оставит его... Надо только верить, терпеть, молиться и славить Господа... Воздвигая Божьи храмы и вознося в них молитвы, мы всякий раз воскрешаем Господа и побеждаем злобесные силы.

Ибо сказано: “Да воскреснет Бог и расточатся враги Его”».

...Дионисий перекрестился, взял кисть, легонько достал из сосуда немного краски и начал свое действие. Сосуды с красками, которые подавали ему сыновья, часто менялись в руках мастера-изографа.

Он писал то пурпурной охрой, то светлой, то празеленью, голубцом, или лазурью. Писал скоро, уверенно и прямо на глазах людей, стоящих в храме, вдруг появился лик Пресвятой Богородицы, светло и печально смотрящей из-под купола апсиды на молящихся людей. Все случилось неожиданно быстро, и что походило на явление. Стоявшие в храме люди, увидев лик Пречистой, стали креститься, а хор монахов запел акафист Божией Матери...

«ВОЛОГДА • XXI ВЕК»

Александр ГРЯЗЕВ

«ОТКРОВЕНИЕ ДИОНИСИЯ»

ВОЛОГДА • 2004